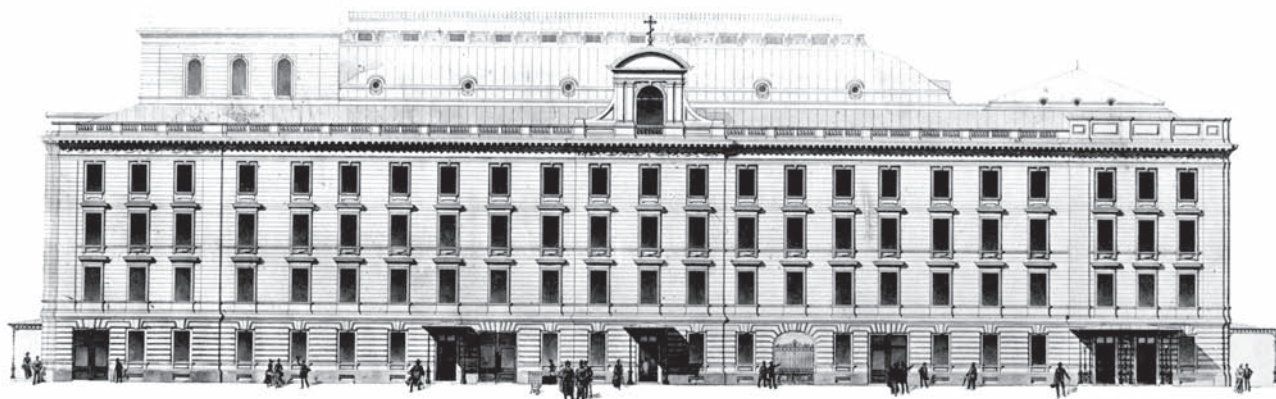

Жизнь. Музыка. Судьба

ЗАПИСКИ ПРОФЕССОРА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ*

Проект здания Консерватории (вид сбоку). Арх. Никола. Публикуется впервые

Г. И. Ганкина

Г. И. Ганкина. 2003 г.

Я родилась в 1914 году, но мне не стыдно об этом говорить. Ведь до сих пор я еще работаю со студентами. Они совсем молодые, младше моего внука. С ними я возраста своего не чувствую. А главное, музыка во мне си-

* В подготовке статьи к печати и составлении комментариев принимали участие: Г. В. Митчелл (пианистка, в прошлом доцент, декан фортепианного факультета Ленинградской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова), А. А. Жхова (пианистка, профессор Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова).

Редакция выражает особую благодарность за предоставление фотоматериалов и необходимую информацию директору Музея Санкт-Петербургской консерватории Рахили Соломоновне Томбак.

дит, она не хочет уходить. Вот без нее очень трудно было бы.

...Родилась я в Киеве. Родители мои были не музыканты. Но, когда я подросла немножко, они, видимо, почувствовали, что у меня есть интерес к музыке. И они меня отвели к учителю. Я не помню сейчас его имени. Но родителям сказали, что слух у меня есть и можно заниматься музыкой. Инструмент у нас дома был, и меня стали учить. Я была еще маленькой девочкой.

Позже, когда мне было 10–11 лет, родители меня привели в Киевскую консерваторию. Она находилась в замечательном здании. Потом, после

войны, оно изменилось, а тогда было очень красивое. Мою учительницу звали Розалия Борисовна Круглая. Это я хорошо помню. Много есть вещей, которых я уже не помню, но это помню очень хорошо — свою первую учительницу. И те произведения, которые я в детстве выучила. Если мне сейчас скажут: «Сыграйте “Фантазию-Экспромт” Шопена!» — я могу ночью встать и ее сыграть.

Я ходила к Розалии Борисовне в класс, сидела и слушала, как она там занимается. И она сказала: «Пускай Грунечка ко мне ходит вместе со взрослыми, потому что она слышит

Г. И. Ганкина (справа) с братом и родителями. Мексика. 1929 г.

музыку и может все понимать!» И действительно, я ходила и слушала и с очень большой благодарностью вспоминаю свою учительницу.

В 1928 году мои родители вместе с целой группой родственников поднялись и уехали в Мексику. С нами поехал мой брат Ефим, который не хотел уезжать насовсем, а просто хотел воспользоваться случаем и посмотреть мир. В Киеве оставалась старшая сестра с семьей.

Брат мой был очень деятельным человеком. Когда мы приехали в Мексику, уже начали устанавливаться отношения с Советским Союзом. Как раз когда мы ехали, вместе с нами ехали советские представители, которые должны были налаживать связи между двумя странами. И очень скоро в Мехико появился так называемый Дом СССР. Мы туда, конечно, пошли. И вот там-то мой брат и проявил свои организаторские способности. Он сразу же решил устроить большой концерт. Однажды он пришел домой и спросил: «Груша, ты можешь сыграть что-нибудь? У нас будет концерт в Доме СССР». Я сразу же согласилась. Почему бы не сыграть?

После концерта ко мне подошел молодой человек и спросил по-русски: «Как тебя зовут, девочка?» Я ответила: «Груня». Он улыбнулся и спросил, чем я занимаюсь. И я рассказала ему, что только что приехала с родителями и пока что ничего не делаю. Тогда этот молодой человек (а он был кларнетистом из Польши и тоже эмигрировал в Мексику) сказал, что познакомит меня со своим другом-музыкантом.

Тогда я впервые увидела своего нового учителя — профессора частной музыкальной академии Сальвадора Ордоньеса.

Сейчас Мексика — это развитая и вполне благополучная страна. В конце 20-х годов это была страна бедная, с низким уровнем образования. Но там и тогда была элита. Академия была, конечно, платная, и там могли заниматься только дети состоятельных родителей. Но Ордоньес, когда послушал меня, сказал, что будет учить меня бесплатно. Так началось мое настоящее музыкальное образование.

Академия, организованная Ордоньесом, была центром культуры в Мехико. Там каждую неделю проходили концерты, и кто-нибудь из студентов обязательно играл. Когда приезжали на гастроли музыканты из других стран, все они обязательно выступали в академии. И обязательно потом слушали студентов. Я тоже

Г. И. Ганкина. Мексика. 1930 г.

играла какому-то пианисту. Но, конечно, сначала Ордоньес задавал мне гаммы, этюды, фуги. Только потом я начала играть серьезные вещи. Первая соната, которую я сыграла, была «Соната» Грига.

Когда я уходила на уроки к Ордоньесу, мама была спокойна. Она знала, что раньше, чем через 5 часов, я не приду. Ордоньес занимался со мной очень много. Не только я играла ему. Он мне тоже играл. И мы играли с ним в четыре руки. Кроме того, живя в Киеве, я практически не знала, что такое пластинки с записями классической музыки. А Ордоньес приехал из Берлина и привез очень много замечательных записей.

К Ордоньесу домой приходили все музыканты, которые играли в академии. Однажды приехал пианист из Аргентины и тоже был приглашен к Ордоньесу. В это время я как раз была у него. Мне было тогда 15 лет. Он послушал, как я играю, и сказал, что возьмет меня в жены и сделает мне хорошую карьеру. Сам он был хорошим пианистом, но славился тем, что, мягко говоря, называл своими не свои произведения. Конечно, я только поспеялась над его предложением. Мне совсем не хотелось замуж. Я была увлечена музыкой, занятиями с Ордоньесом, выступлениями. Каждые 10 дней я играла новый концерт!

Так продолжалось 4 года. В Мексике жизнь была, конечно, не очень легкая. Правда, отец работал там по специальности. Он был бухгалтером. Но постепенно уже и там начались проявления антисемитизма. К тому же брат мой, пожив в Мексике, отправился путешествовать по Европе, а потом вернулся в Советский Союз, где жила наша старшая сестра. И родители тоже решили вернуться. В 1932 году мы приехали в Киев. И сразу же почувствовали разницу. Особенно после того, как мы по дороге побывали в Берлине. Родители поняли, что в Германии оставаться нам было нельзя, потому что там уже начинался фашизм. Поэтому мы уехали в СССР. В Берлине мы купили себе какую-то приличную одежду. Поэтому папа приехал в хорошем костюме. В первый же день, выйдя в этом костюме на улицу, папа увидел странные взгляды соседей. Некоторые буквально показывали на него пальцами. Он очень отличался своим обликом от остальных. Придя домой, он попросил маму купить ему какие-нибудь простые штаны и сказал, что больше никогда в костюме не пойдет на улицу. Все наши знакомые были очень удивлены, что мы вернулись. Все нас спрашивали, зачем мы это сделали. В Советском Союзе обстановка становилась все хуже. Но я была молодой девушкой и не очень над этим задумывалась, потому что была занята своими проблемами. Мне надо было учиться. Я отправилась в Москву, где у нас была знакомая, Надежда Михайловна Гольденберг, которая переехала из Киева. Она была музыкальным воспитателем и лично знала Г. Г. Нейгауза¹. Н. М. Гольденберг привела меня к Генриху Густавовичу. Я сыграла ему, но сразу сказала, что учиться хочу в Ленинграде, потому что там у меня были родственники и я могла у них остановиться. Я спросила совета у Нейгауза, к кому мне идти учиться. Он ответил: «Я скажу вам, но меня не выдавайте. Идите только к Марии Юдиной²».

Я приехала в Ленинград и узнала, что Марию Вениаминовну Юдину только что уволили из Консерватории. Все, что я могла, это только ходить на все ее концерты в Филармонии. Что мне делать дальше, я не знала.

Еще в Москве меня познакомили с племянницей композитора С. М. Майкапара³. Она и ее семья отнеслись ко мне очень хорошо. Они посоветовали мне обратиться к профессору Калантаровой⁴, которая преподавала в Ленинградской консерватории.

Ольга Калантаровна Калантарова — ученица и большой друг знаме-

нитой Анны Николаевны Есиповой⁵. Это все, что я знала, когда впервые пришла к ней. Ольга Калантаровна сразу же очаровала меня. Я увидела перед собой статную женщину. Она была в длинной темной юбке и кофточке. Волосы с сединой, но не обильной, были аккуратно заколоты. Она меня послушала и сказала, что я могу поступать в Консерваторию. Но была зима, поэтому нужно было собрать специальную комиссию, чтобы меня прослушать. Ольга Калантаровна пообещала договориться с коллегами, чтобы они собрались и устроили мне экзамен. Это должно было состояться в январе, после Нового года.

Я жила тогда у родственников в Детском Селе. В Ленинград нужно было ехать на поезде. От дома я шла до станции пешком. А мороз был в тот год очень сильный. На мне было пальтишко, купленное в Берлине, и тонкие перчатки. Я пришла на станцию и обнаружила, что рука у меня ничего не чувствует. Оказалось, что я ее отморозила. На поезд я все равно опоздала. Кто-то увидел меня и стал помогать оттирать руку снегом. Боль была ужасная. Рука выглядела страшно. Я нигде не поехала и никакого экзамена сдавать не могла. Хорошо, что, узнав о том, что случилось, Ольга Калантаровна отправила меня к хорошему хирургу. Но для восстановления требовалось много времени, и я уехала в Киев. Осенью я вернулась и сдала экзамен на отлично. Конечно, мне очень помогли занятия с Ордоньесом. Я ничего не боялась. Однажды на первом курсе у меня должен был быть концерт в Малом зале. Я должна была играть сонату Шопена. А у меня были какие-то гости, я их провожала на вокзал и потом пришла прямо в Малый зал, села и сыграла концерт. Запросто! Но это могло быть только в 18 лет..

Началась моя консерваторская жизнь. Жила я сначала в общежитии, недалеко от Консерватории, на Лермонтовском проспекте. Это была просто очень большая квартира, где в комнатах жили студенты. В нашей комнате жили семь человек. Кроме меня были еще две пианистки и четыре певицы. И мы распределяли время — кому когда заниматься. Но в основном мы все время проводили в Консерватории. Все классы тогда закрывались вечером на ключ. Но нянечка на этаже знала, что мне можно дать ключ. Я шла в класс и занималась. Домой шли уже после 11 часов вечера. Шли пешком. Все были очень молодые, и всем было весело и хорошо. Иногда к нам в комнату приходили

мальчишки. Другие девушки ревновали и показывали на часы: «Все! Больше здесь находиться чужим нельзя!»

Кроме занятий в Консерватории были еще уроки с Ольгой Калантаровной у нее дома. Она жила недалеко от Театральной площади, на проспекте Декабристов, в доме № 61, где жил когда-то Александр Блок. После смерти Анны Николаевны Есиповой Ольга Калантаровна осталась жить в ее квар-

А. Н. Есипова и О. К. Калантарова.
1900-е гг.
(Музей Санкт-Петербургской консерватории)

тире. И все там было так, как было, очевидно, при Есиповой. Большой музыкант и педагог, А. Н. Есипова обладала еще одним даром — она была рукодельница необыкновенная. Вся мягкая мебель в ее квартире имела обивку, расшитую ее руками. Это было удивительно красиво — кресла, диван выглядели великолепно. Квартира была большая, но состояла всего из двух комнат: спальни и очень большой гостиной, где стояли два рояля. На стенах висели портреты, которые после смерти Ольги Калантаровны по ее завещанию были переданы Консерватории. Портрет Бетховена и сейчас висит там.

У Ольги Калантаровны была собачка-шпиц, которую она очень любила, и домработница, которая прижила с кем-то ребенка. Ольга Калантаровна его усыновила, обожала и всячески баловала. Он вытворял все что хотел. Все ему позволялось. Когда мы приходили на занятия, то Ольга Калантаровна просила играть потише, потому что мальчик спал в соседней комнате. Через некоторое время от прекрасной мебели Есиповой ничего не осталось. Мальчишка все разорвал, обтрепал, испачкал. И никакого наказания за это не было. Его родная мать продолжала жить

с ними и хозяйничала как хотела. В свое время Ольга Калантаровна была замужем. Мужем ее был один из учеников Есиповой Е. И. Ильин⁶. К сожалению, он рано умер, и детей у них не было. Поэтому всю свою любовь Ольга Калантаровна отдавала приемному сыну. Когда началась война и Консерватория была эвакуирована в Ташкент, Ольга Калантаровна вместе с нами уехала туда. И туда же несколько позже увезли мальчишка. После войны они вернулись и продолжили жить в своей квартире, которая сохранилась. Но после смерти Ольги Калантаровны квартира перешла мальчишке и его настоящей матери — домработнице. Тогда уж там все изменилось. Многие вещи помимо портретов Ольга Калантаровна завещала Консерватории. Что-то, к сожалению, пропало. Саму квартиру поделили, туда вселились еще какие-то люди, а приемный сын в конце концов спился. Так печально закончилась история с его усыновлением.

Но пока Ольга Калантаровна была жива, ее квартира была местом очень интересных встреч. Все известные музыканты, которые приезжали в Ленинград, навещали Ольгу Калантаровну, потому что все ее очень ценили и уважали. А сама она была при этом удивительно скромной. Она всех с удовольствием принимала. Иногда и мы, студенты, присутствовали на этих встречах. Это было очень интересно. Вообще у нее всегда кто-то был дома. Просто сидели и слушали, как другие играют. Иногда это превращалось в небольшие концерты. Я там слушала С. И. Савшинского⁷, И. С. Миклашевскую⁸.

Ольга Калантаровна была замечательным педагогом. Она очень тщательно занималась звукоизвлечением. Когда сравнивали школу Л. Николаева⁹ и школу Калантаровой, то всегда говорили, что у Николаева все «шпарт» так быстро. У «николаевцев» была очень хорошая техника. Все играли технически как виртуозы.

У Калантаровой все было иначе. Я должна сказать, что так, как звучит рояль у «калантаровцев», он ни у кого не звучит. И сейчас, когда я занимаюсь со своими учениками, я рассказываю им, что Ольга Калантаровна говорила: «Ты знаешь кошечку? У нее такие мягкие лапки. Но если она цапнет своими коготками!.. Так вот, надо так играть на рояле, чтобы проходил насквозь звук...»

В тот год, когда я поступила в Консерваторию, меня направили на шефскую работу куда-то в больницу, где надо было сыграть концерт. Я поехала и сыграла. На следующий день

Ольга Калантаровна меня спросила: «Ты была там?» — «Была». — «Сыграла?» — «Сыграла. Но там был такой плохой инструмент!..»

И Ольга Калантаровна сказала мне то, что я запомнила на всю жизнь и всегда говорю своим студентам: «Имей в виду — плохих инструментов нет. Это ты не умеешь играть...»

Ольга Калантаровна рассказывала нам об Анне Николаевне Есиповой.

Есипова брала произведение, которое она не знала. Она его прослушивала, проигрывала, а потом начинала учить. Каждый день она учила одну только страницу, но так, что завтра она могла пойти и сыграть ее на концерте. Проходило несколько дней, и все произведение было готово.

У Ольги Калантаровны не только дома, но и на уроках в Консерватории всегда сидели люди и слушали. Это было очень ответственно — играть в такой обстановке. Однажды я пошла на урок, чувствуя, что плохо подготовилась. Я очень нервничала, потому что знала, что там будут другие студенты и мне будет стыдно плохо играть. И вот я подошла к классу, и мне говорят: «Знаешь, а Ольга Калантаровна заболела, ее сегодня не будет». Стыдно сказать, но я чуть не заплакала от радости.

Когда я училась в Консерватории, там преподавали кроме Ольги Калантаровны и другие замечательные музыканты. В аспирантуре я занималась у Владимира Владимировича Софроницкого¹⁰. Однажды я пришла раньше и стала разыгрываться в классе. Вдруг кто-то из студентов заглядывает в класс

Г. И. Ганкина около здания Ленинградской консерватории. 1934 г.

А. Н. Есипова
(Музей Санкт-Петербургской консерватории)

и говорит: «Ты знаешь, там пришел Софроницкий, и он тебя слушает!» А я всегда почему-то очень смущалась, когда играла у него, хотя он был очень приятный человек и много помогал мне. Как-то я пришла к нему заниматься, и он мне рассказал такую историю. Он ездил за границу в 1922 году. Был там на гастролях. Его концерты прошли очень успешно. Были очень хорошие отзывы. На одном из концертов он сыграл сонату «По прочтении Данте» Листа. И все очень хвалили. Все говорили, какой он молодец. И кто-то ему сказал: «Вы, наверно, очень глубоко изучили произведения Данте». Тут Софроницкий наклонился ко мне и сказал шепотом: «А я и не читал вообще!» Вот такой был человек. Но с ним было не очень легко. Он совсем иначе слышал музыку. Однажды мы с ним занимались, и я играла ему сонату Шопена, и он мне что-то объяснял и показывал. А буквально на следующий день я включила случайно радио и услышала эту же сонату в его исполнении. Это было совер-

шенно по-другому исполнено. Ему не удалось объяснить то, что он делал с роялем. Он не был прирожденным педагогом.

Как концертмейстер я работала со многими музыкантами. Все они были очень разными.

Ученик знаменитого Л. С. Ауэра¹¹ Юлий Ильич Эйдлин¹² работал со студентами очень хорошо, но сам он концертировал редко, в основном в составе трио или квартета. Но имена его учеников стали известны во всем мире. Среди них М. Вайман¹³, Б. Гутников¹⁴, Э. Камиларов¹⁵. Педагогическая деятельность поглощала Ю. И. Эйдлина целиком. Он уделял внимание не только профессиональным навыкам своих учеников. Он всегда ревностно следил за развитием их личности во всех областях культуры.

Не могу не вспомнить М. М. Белякова¹⁶ — педагога, методиста, человека энциклопедических знаний. Он тоже не играл сам, но у него были ученики. Он был в большей степени тео-

ретиком. Михаил Михайлович во время блокады не уехал с нами в Ташкент. Он оставался в Ленинграде. Когда мы вернулись из эвакуации, мало кто смог узнать его. Он распух от водянки и передвигался с трудом. А до войны это был всегда элегантный подтянутый человек.

А вот Мирон Борисович Полякин¹⁷ приходил на урок всегда со скрипкой. И он ничего не говорил. Он просто играл, и ученики понимали, что нужно делать. Это был замечательный человек. Я гордилась тем, что работала у него. Он был очень остроумный. Бывало, играет какой-нибудь скрипач. Играет очень быстро. А Полякин ему говорит: «Слушай, ты что, стухановец? Куда ты торопишься?»

Однажды он заболел, и мне надо было пойти к нему домой. Он жил в знаменитом «толстовском» доме на улице Рубинштейна. Там у него была роскошная квартира. Когда я пришла, он подвел меня к портрету и сказал: «Вы думаете, я всегда такой был?» И показал на свою лысоватую голову. «Нет. У меня во-он какая шевелюра была!» Он был очень простой человек, но очень «языковатый»... И он был превосходный музыкант. Когда он брал скрипку и играл, я получала удовольствие. Несколько раз мне пришлось с ним играть. Это была большая честь для меня...

Не могу забыть и знаменитого Ивана Васильевича Ершова¹⁸. Он сидел на всех наших экзаменах и концертах. И на моем тоже, конечно. В первом ряду в Малом зале Консерватории всегда было оставлено для него место. Этот замечательный мастер, знаменитый певец, народный артист приходил слушать молодых пианистов.

Мне повезло, потому что я общалась со многими выдающимися музыкантами.

В послевоенные годы фортепианный факультет Ленинградской консерватории переживал свой расцвет. В это время работали люди, которых можно назвать великими музыкантами, артистами, педагогами. Они вошли в историю. Как не вспомнить И. А. Браудо¹⁹ — органиста с мировым именем, Н. И. Голубовскую²⁰ — великолепную пианистку и клавесинистку, превосходного пианиста М. Я. Хальфина²¹. Моисей Яковлевич был настоящим Учителем музыки. Достаточно сказать, что пианист с мировым именем Григорий Соколов²² был его учеником. А В. Х. Разумовская²³ — какая это была удивительно тонкая пианистка! Обаятельная, покорявшая глубиной и заду-

шевностью интерпретации. И, конечно, невозможно не выделить особо Павла Алексеевича Серебрякова²⁴ — выдающегося пианиста, который концертировал почти во всех странах мира. Огромный темперамент и глубокое содержание сочетались в его исполнении с тонким проникновенным интонированием. Едва ли не вся фортепианная музыка была в его поистине огромном репертуаре.

Все эти люди были сами яркими личностями и оставили после себя воспитанников, которые тоже продолжали и продолжают замечательные творческие и педагогические традиции ленинградской фортепианной школы.

Никогда не забуду профессора И. С. Миклашевскую. Во-первых, она была превосходная пианистка. Просто превосходная! И во-вторых, она была элегантна необыкновенно. Но главное, у нее были свои, особенные педагогические взгляды. Она придерживалась анатомо-физиологических принципов в обучении игре на фортепиано. Она хорошо знала анатомию рук и связывала с ней техническое развитие пианиста. Это было очень интересная методика. Она имела последователей как в России, так и в Европе. Но большинство профессоров Консерватории относились к этой теории очень скептически. Например, профессор Н. Е. Перельман²⁵ в присущей ему остроумной манере говорил, что если ему во время обеда будут рассказывать о принципах глотания и пищеварения, то это у него напрочь всякий аппетит отобьет. А Перельман, к слову сказать, был большой гурман. Особенно он любил всякие десерты, мороженое. Он часто приглашал своих студентов выпить чашечку кофе и полакомиться вместе с ним чем-нибудь вкусеньким в ближайшем кафе...

Натан Ефимович Перельман был великим артистом во всем: в исполнительстве, в педагогике, даже в повседневной жизни. Он был тонким изысканным музыкантом-интерпретатором. Он не был масштабным исполнителем. Но в его игре были глубина, изящество, артистизм. Это был музыкант высочайшей культуры. Он написал небольшую книжку. Она называется «В классе рояля». В ней с огромным остроумием в форме афоризмов написано все самое главное об искусстве фортепианной игры. Это бесценная книга для всех пианистов...

Последняя моя встреча с ним была очень грустной. Меня пригласили в дом-музей Римского-Корсакова. Сказали, что будет встреча с Перельма-

ном, которую его ученики устроили в маленьком концертном зале музея. Нас было всего несколько человек гостей. Натан Ефимович сел за рояль, открыл крышку и начал играть. И у него ничего не получилось. Он захлопнул крышку и... все. Через несколько недель его не стало. Ему было 95 лет. Это был человек необыкновенной музыкальной культуры. Мы ходили к нему с моей подружкой и партнершей по фортепианному дуэту Тамарой Самойловной Самойлович²⁶. Нам было очень важно, чтобы такие музыканты, как Перельман, нас послушали.

Огромная часть моей жизни связана с Тамарой Самойлович. Тамара была моя ровесница. Но она не сразу стала музыкантом. Сначала она окончила строительный техникум и даже работала в строительной организации. И только потом она поступила в Консерваторию. Мы стали играть вместе в 1950 году. Мы объездили около сотни разных городов, и я бережно храню все программы и афиши наших концертов. И, конечно, память о Тамаре, которой, к сожалению, уже нет с нами. Где бы мы ни играли, везде нам говорили: «Ну как это вы умудряетесь играть так едино? Все-таки каждая из вас сама по себе музыкант». И действительно, что бы мы ни играли, это звучало так, как будто играет один. Мы были музыкантами разных школ. Тамара училась у Л. В. Николаева, а я — у О. К. Калантаровой. У нас бывали, конечно, споры. Она считала, что надо играть так, а я — иначе. Но мы спорили, играли, потом спокойно шли гулять вместе. Потому что мы не ссорились. Просто у каждой была своя точка зрения. И мы были очень разными по характеру. О нас писали в одной рецензии так: «Темпераментная, острая манера игры Г. Ганкиной и глубокая, эмоционально более сдержанная — Т. Самойлович, органически сплетаясь, не теряют в то же время самобытности и оригинальности индивидуального стиля». Думаю, что это так и было.

Я благодарна судьбе за то, что в моей жизни была Тамара Самойлович и у нас была такая замечательная дружба и такая интересная совместная работа. Раньше в Консерватории на фортепианном факультете не было предмета «фортепианный ансамбль». Мы начали эту практику в форме факультативных занятий со студентами. И только через несколько лет на кафедре камерного ансамбля, на которой я до сих пор работаю, впервые появился предмет «фортепианный дуэт».

**ВЕЧЕР
ФОРТЕПЬЯННОГО
ДУЭТА**

**ГАЛ И Н А
САМОЙЛОВИЧ**

(ЛЕНИНГРАД)

В программе: ВИВАЛЬДИ, БАХ, ШОПЕН, ШУБЕРТ, ЛЯНТ, ДЕН-ОАНО, РАХМАНИНОВ, ШОСТАКОВИЧ, НАПП, ЦЫТОВИЧ

ЕВАНГЕЛИЯ ПРОДАВЦОВА

Афиша концерта Г. Ганкиной и Т. Самойлович

Произведений для фортепианного дуэта не так много. Нам с Тamarой всегда хотелось сыграть что-нибудь новое. Мы ежегодно обновляли нашу программу. И в каждой нашей новой программе была обязательно какая-нибудь «премьера». Мы были первыми исполнительницами в Ленинграде некоторых произведений Б. Бриттена, А. Копленда, А. Бенджамена. Конечно, исполняли произведения советских композиторов. Играли С. Прокофьева, Д. Шостаковича, А. Хачатуряна, К. Караева. Мы брали и произведения молодых композиторов. Однажды Тамара сказала мне: «Давай попросим Володю Цытовича. Пусть он напишет для нас». И Володя написал очень хорошую пьесу, которую мы играли и очень любили и даже записали на пластинку. И сейчас мои ученики играют это произведение с удовольствием. Владимир Цытович вообще очень хороший человек. Я знаю его давно, и мне очень приятно, что на нотах написано его рукой: «Моему любимому педагогу с величайшей благодарностью». Играли мы также произведения А. Бубельникова, Х. Кушнарера и других ленинградских композиторов. Надо сказать, что П. А. Серебряков очень тепло относился к нашему дуэту и высоко ценил нашу работу. Именно по его инициативе мы получили право называться «Фортепианный дуэт Ленинградской консерватории». Павел Алексеевич очень много гастролировал и из каждой поездки привозил нам подарок — ноты новых ансамблевых сочинений. И мы с удовольствием включали эти произведения в свой репертуар.

Дуэту нашему было уже 30 лет, когда не стало Тамары Самойлович. Для меня это была огромная человеческая и творческая потеря. Я стала играть одна, а потом — с моей ученицей Ириной Васильевой.

Все это было в 60-е и 70-е годы. А до этого в моей жизни было много событий. Я окончила аспирантуру, и началась война. Вместе с Консерваторией я уехала в Ташкент и работала там концертмейстером. Еще в Ленинграде я вышла замуж, а в Ташкенте у нас родилась дочь. После войны я вернулась в Ленинград с дочкой и с мамой. Муж еще оставался в Ташкенте. Квартиры нашей, в которой мы жили с мужем, уже не было. Нас троих поселили на пятом этаже Консерватории, в маленькой комнатке. Там мы прожили несколько лет. Жизнь была, как и у всех в то время, трудная. Единственное, что было хорошо, это то, что можно было просто спуститься по лестнице и заниматься. А потом мне даже удалось добиться, чтобы мне поставили в комнату рояль. Я преподавала в Музыкальной школе-десятилетке при Консерватории, в Музыкальном училище и в Консерватории. Дочка моя росла, я работала, но однажды меня вызвали на комиссию и сказали: «У нас сокращение штатов, и мы вас будем сокращать...» Еще в Ташкенте я вступила в партию. Поэтому я сразу же пошла к секретарю парторганизации и спросила, в чем дело. Ведь по закону меня нельзя было уволить, потому что у меня на руках был маленький ребенок. И секретарь парторганизации стал мне объяснять: «Ты знаешь, у нас такое ощущение, что у тебя что-то непонятное с биографией. Мы не очень

понимаем...» «Ну, так выясните, пожалуйста», — сказала я.

Оказалось, что кто-то говорил, что мой папа был буржуем, владельцем фабрики. К тому же я жила за границей.

Как раз незадолго до истории с моим сокращением был уволен наш ректор П. А. Серебряков. Я познакомилась с ним еще до того, как поступила в Консерваторию, в одном доме. Он всегда очень уважал и ценил настоящих музыкантов. Но среди них часто попадались евреи. Это было одной из причин, по которым Серебряков был уволен. Его место занял пианист Ю. В. Брюшков²⁷.

Конечно, легко можно было выяснить, что мой отец был не буржуем, а бухгалтером. К тому же он скончался вскоре после того, как мы эвакуировались в Ташкент. Там он и похоронен. Но я вернулась из-за границы, и я была еврейкой. Что мне было делать? Я стала писать письма в разные инстанции. Был даже суд... Поскольку я была партийная, я смогла добиться приема в горком. Дочка Аллочка была тогда совсем маленькая. Мне ее негде было оставить, и она сидела и ждала, пока я разговаривала там. Все это было очень тяжело. Но в конце концов я добилась того, что меня восстановили, и я стала работать в Консерватории дальше. Началась другая жизнь.

С тех пор многое изменилось. Мы стали совсем другими. Стали многое понимать по-другому. Мы раньше верили в то, что нам говорили. Когда Сталин умер, мы с Тамарой Самойлович стояли и ревели. Ну что тут поделаешь?! А в то же время мой дядя, который переехал в Петербург еще до революции с семьей и жил тогда очень хорошо, всю жизнь ненавидел Сталина. Он говорил такие вещи о нем, что просто невозможно было даже реагировать на это. Конечно, мой дядя был богатый человек, жил в роскошной квартире. И вообще был по духу аристократом. И он всего лишился после революции. Когда Сталин умер, дядя открыто торжествовал. А мы плакали. То, что с нами самими случилось, почему-то ничему нас не научило.

Вместе со мной учились В. Нильсен²⁸ и А. Геронимус²⁹. Геронимус был очень хороший музыкант. Он был учеником В. В. Софроницкого и очень с ним дружил. К сожалению, Геронимус рано скончался. С ним и с Нильсеном у меня связано такое воспоминание. Шел 1937 год. Нас отправили на Второй Всесоюзный конкурс от Консерватории. Геронимус в свое вре-

меня учился в Германии. Я вернулась из Мексики. Была еще с нами одна очень хорошая пианистка, у которой муж был иностранец. Что уж говорить о наших национальностях! Когда мы приехали в Москву, нам велели заполнить анкеты. И, конечно, нас всех исключили, не допустили до конкурса. Что делать? Надо было куда-то писать, куда-то обращаться. Я помню, что мы уже должны были идти на прием к самому Молотову. Но мы до него так и не дошли, потому что директор Консерватории Б. И. Загурский³⁰, узнав обо всем, дал личное поручительство за всех нас. И нас допустили до участия в конкурсе. Тогда Нильсен получил вторую премию. Вот такая была история. Такое было время...

Уже в 90-е годы мне удалось снова поехать в Мексику, где до сих пор еще живут мои родственники. Я снова вспомнила Ордоньеса и занятия с ним. И все концерты, на которых я тогда побывала, и всех замечательных музыкантов, которых мне удалось там послушать. А ведь среди них был и Артур Рубинштейн³¹. Там была моя первая с ним встреча. Кажется, я тогда ему не играла, но Ордоньес познакомил меня с ним. Ему было тогда 45 лет, и он был в

расцвете сил. Потом он приезжал в Россию с концертами и навестил Г. Г. Нейгауза, который был очень болен и лежал в больнице. Приезжал Рубинштейн тогда и в Ленинград, и я встретила его снова. Он узнал меня и спросил: «А что вы здесь делаете?» Он не знал, конечно, что я давно вернулась в Россию. И он спрашивал меня об Ордоньесе и о его жене. Она тоже была замечательная пианистка и тоже преподавала в академии в Мехико. Но я в то время ничего о них не знала. Так что в жизни мне пришлось дважды встречаться с А. Рубинштейном. Третья встреча тоже была через несколько лет, но уже очень символическая. Я ездила в Израиль к друзьям. Меня отвезли в одно место, где показали красивый камень. Это был памятник А. Рубинштейну. Памятник поставили на том самом месте, где развеяли его прах. Такова была воля великого пианиста...

Многое было в моей жизни. Конечно, за 50 лет педагогической работы у меня училось очень много студентов. Немало из них стали настоящими музыкантами, победителями различных конкурсов. Только за последние 10 лет можно назвать несколько имен: это Ирина Васильева, с которой я иг-

раю после смерти Т. С. Самойлович. Мы не только партнеры, но и коллеги. Ирина Витальевна — доцент кафедры концертмейстерского мастерства нашей Консерватории. Интересно, что ансамбли часто состоят из родственников. Например, сестры-близнецы Элькины Ирина и Юлия. Их фортепианный дуэт постоянно и успешно концертирует в Америке и Европе. Сестры Светлана и Любовь Хатины составляют прекрасный камерный ансамбль (фортепиано и скрипка). Совсем недавно пианистка Юлия Федосеева и скрипачка Диана Гагулашвили завоевали в 2000 году Grand Prix на международном конкурсе в Болгарии. Да разве можно всех перечислить! И я могу гордиться, что они были моими учениками. А многие из них остаются и до сих пор моими друзьями. В какой бы стране они ни находились, они не забывают звонить, писать, рассказывают о своих успехах, иногда просят совета. Не скрою, что это одна из самых больших наград за мой труд.

Я вообще благодарна судьбе за то, как сложилась моя жизнь, хотя и не все было в ней просто и гладко. Но музыка — это мое счастье. И она всегда спасала и спасает меня...

¹ НЕЙГАУЗ Генрих Густавович (1888–1964), пианист, профессор Московской консерватории, доктор искусствоведения, народный артист РСФСР (1956).

² ЮДИНА Мария Вениаминовна (1899–1970), пианистка, профессор Петроградской (Ленинградской), Московской консерваторий, Музыкально-педагогического института им. Гнесиных.

³ МАЙКАПАР Самуил Моисеевич (1867–1938), пианист, композитор, педагог, профессор Ленинградской консерватории.

⁴ КАЛАНТАРОВА Ольга Калантаровна (1877–1952), пианистка, профессор Ленинградской консерватории, заслуженный деятель искусств РСФСР (1938).

⁵ ЕСИПОВА Анна Николаевна (1851–1914), пианистка. Создатель одной из крупнейших русских пианистических школ, профессор Санкт-Петербургской консерватории.

⁶ ИЛЬИН Евгений Иванович (1877–1915), пианист, педагог Санкт-Петербургской консерватории.

⁷ САВШИНСКИЙ Самарий Ильич (1891–1968), пианист, профессор Ленинградской консерватории, организатор и первый директор Музыкальной школы-десятилетки при Ленинградской консерватории (1936).

⁸ МИКЛАШЕВСКАЯ (Михельсон) Ирина Сергеевна (1883–1956), пианистка, педагог, профессор Ленинградской консерватории, заслуженная артистка РСФСР (1935).

⁹ НИКОЛАЕВ Леонид Владимирович (1878–1942), пианист, композитор, профессор Санкт-Петербургской консерватории, доктор искусствоведения, народный артист РСФСР (1938).

¹⁰ СОФРОНИЦКИЙ Владимир Владимирович (1901–1961), пианист, профессор Ленинградской (с 1936) и Московской (с 1942) консерваторий, заслуженный деятель искусств РСФСР (1942), лауреат Государственной премии СССР (1943).

¹¹ АУЭР Леопольд Семенович (1845, Венгрия — 1930), скрипач, дирижер. В 1868–1917 годах жил в России. Профессор Санкт-Петербургской консерватории. С 1918 жил в США.

¹² ЭЙДЛИН Юлий Ильич (1896–1958), скрипач, профессор Ленинградской консерватории.

¹³ ВАЙМАН Михаил Израилевич (1926–1977), скрипач, профессор Ленинградской консерватории, заслуженный деятель искусств РСФСР (1966).

¹⁴ ГУТНИКОВ Борис Львович (1931–1986), скрипач, профессор Ленинградской консерватории, народный артист РСФСР (1979).

¹⁵ КАМИЛАРОВ Эмил Стефанов (род. 1928, Тулуза), болгарский скрипач, профессор Софийской консерватории, заслуженный артист НРБ (1963).

¹⁶ БЕЛЯКОВ Михаил Михайлович (1907–1994), скрипач, профессор Ленинградской консерватории.

¹⁷ ПОЛЯКИН Мирон Борисович (1895–1941), скрипач, педагог, заслуженный деятель искусств РСФСР (1940).

¹⁸ ЕРШОВ Иван Васильевич (1867–1943), певец, режиссер Оперной студии (1915–1943), профессор Ленинградской консерватории, народный артист СССР (1937).

¹⁹ БРАУДО Исая Александрович (1896–1970), органист, профессор Ленинградской консерватории, доктор искусствоведения, заслуженный деятель искусств РСФСР (1957).

²⁰ ГОЛУБОВСКАЯ Надежда Иосифовна (1891–1975), пианистка, профессор Ленинградской консерватории, заслуженный артист РСФСР (1937).

²¹ ХАЛЬФИН Моисей Яковлевич (1907–1995), пианист, профессор Ленинградской консерватории.

²² СОКОЛОВ Григорий Липманович (род. 1950), пианист, первый сольный концерт (1962), победитель Международного конкурса им. П. И. Чайковского (1966), народный артист РСФСР (1988).

²³ РАЗУМОВСКАЯ Вера Харитоновна (1904–1967), пианистка, профессор.

²⁴ СЕРЕБРЯКОВ Павел Александрович (1909–1976), пианист, профессор, ректор (1938–1951, 1961–1976) Ленинградской консерватории, народный артист РСФСР (1957).

²⁵ ПЕРЕЛЬМАН Натан Ефимович (1906–2002), пианист, профессор Ленинградской консерватории.

²⁶ САМОЙЛОВИЧ Тамара Самойловна (1914–1981), пианистка, доцент Ленинградской консерватории.

²⁷ БРЮШКОВ Юрий Васильевич (1903–1971), пианист, профессор, ректор (1951–1961) Ленинградской консерватории, заслуженный артист РСФСР (1949).

²⁸ НИЛЬСЕН Владимир Владимирович (1910–1998), пианист, профессор Ленинградской консерватории.

²⁹ ГЕРОНИМУС Александр Ефимович (1915–1980), пианист, доцент Ленинградской консерватории.

³⁰ ЗАГУРСКИЙ Борис Иванович (1901–1968), музыковед, музыкальный деятель, директор Ленинградской консерватории (1936–1939), директор Малого оперного театра (1951–1961), заслуженный деятель искусств РСФСР (1957).

³¹ РУБИНШТЕЙН Артур (1889, Польша — 1982) пианист с мировым именем, гастроль в России (1910) и в СССР (1932 и 1964).